

**Луна —
суровая госпожа**

Посвящается Питу и Джейн Сенсенбау

Часть первая

УМНИК-РАЗУМНИК

Глава I

Гляжу — в газете «*Lunaya Pravda*» пишут, что горсовет Луна-Сити принял в первом чтении закон о проверке, лицензировании, а главное — налогообложении уличной торговли продуктами питания в пределах муниципальной гермозоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится учредительное толковище «Сынов революции».

Мой родитель преподавал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале комплекса Лунной администрации — зашел потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк — это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал ИВМ¹. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал, — ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий умник-разумник, самый смысленый компьютер в мире.

Правда, не самый быстрый. На Земле, в Лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос. Но разве так уж важно — получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был просто думателем с гибкой логикой — «Хомоориентированный логический мно-

¹ Томас Уотсон, однофамилец персонажа А. Конан Дойла, долгое время возглавлял международную компьютерную фирму ИВМ, основанную Г. Холлери-том в 1924 г.

гокритериальный супервизор, версия IV, модель L» — ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием. Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная администрация праздности не одобряла. И стали к Майку присобачивать все новые и новые аппаратные средства — блоки «решение-действие» для управления другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, воз и маленькую тележку ассоциативных нейристорных цепей, еще тонну двенадцатирядных случайных чисел, оперативную память, расширенную до неимоверного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? *Nyet!* А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, *tovarishch*, а я — определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае — не вижу никакой разницы, белковые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы прикидочно, исходя из неполной информации, — точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомоориентированный» и «многокритериальный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее границы расширялись по мере усложнения его собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи, — валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера, так что он понимал не толь-

ко классические программы, но и Логлан и английский, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное — читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео- и радиосвязью Луна — Терра, регулировал атмосферное давление, водоснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-Лунного), вел бухгалтерию для Лунной администрации, а за особую плату — и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как напуганный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он считал бы верхом остроумия вывалить вас ночью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку поделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ, основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе администрации Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 доллара-купона, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливого ребенка-переросток, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устранить ее. Я частный подрядчик и не состою у Администрации на жалованье. Вы, наверное, знаете... впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие... В те старые недобрые времена многие лагерники, отрубив от звонка до звонка, продолжали ишачить на Администрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга¹ за вооруженное нападение и отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест... но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает... именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала. Другая бабушка, татарка, родилась под Самаркандом и после перековки в лагере «*Oktyabrskaya Revolutsiya*» «добровольно» вызвалась участвовать в колонизации Луны.

Папаша мой божился, что генеалогия у нас весьма почтенная и древняя: прапрапрабабку, мол, повесили в Салеме как ведьму, прапрапрадеда колесовали за пиратство, а еще одна родоначальница прибыла в Ботани-бей² с первой партией каторжников.

Я гордился родословной и, хоть и имел дела с комендантом, в штат к нему ни за что бы не пошел. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна — ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем госслужащему. А компьютерщиков у нас вообще мало. Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить компьютерные курсы, не загремев раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не откинут копыта?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражнений на центрифуге, спать и то без утяжелителей не ложился. Да и потом на Тер-

¹ *Йобурге* — просторечное название Йоханнесбурга, ЮАР.

² *Ботани-бей* — залив в Новом Южном Уэльсе, Австралия, куда входили корабли с высланными из Англии преступниками. Первую партию высланных доставили туда в январе 1788 г.

ре не рисковал без нужды — никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земном тяготении это получалось само собой.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Бульжника¹ — слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сдельные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смотаться прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике — получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в коем случае не киберпсихолог. Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза. Техника меня любит, а еще один мой козырь перед прочими спецами — это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид и на ощупь совсем как настоящая. Так что стоит мне надеть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу — и любой ультрамикроминиатюрный ремонт заделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посылать на Землю на завод; микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов. Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Лунной администрации, а также исправить повреждение, пока он не отвалил кому-нибудь незаметные десять тысяч.

Я согласился на условиях сдельной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой дверь, положил инструменты и уселся.

¹ The Rock (название Луны на жаргоне лунарей) совпадает со вторым названием острова Алькатрас (The Rock, «Скала»), где до 1963 г. располагалась тюрьма для особо опасных преступников.

— Привет, Майк.

Он мигнул огоньками:

— Привет, Ман¹.

— Ну чего, как вообще?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте — в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, чтобы уметь акцентировать отдельные слова. Так что это была драматическая пауза. Может, в это время он выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

— «В начале, — заговорил он нараспев, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и...»²

— Стоп! — сказал я. — Возврат. Отмена вопроса.

Сам виноват, надо спрашивать определеннее. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семьдесят четвертого года заполучил новенький сканер и манипуляторы с вакуумными присосками, чтобы листать страницы, и теперь мог читать все, что угодно.

— Ты спросил, как вообще. — Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера — жуткий звук, — но приберегал это средство для чего-нибудь действительно смешного, для космических катаклизмов например.

— Мне следовало спросить, — поправился я, — «как твоя жизнь и что новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. Иначе нулевая программа.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, что они у него были), никаких врожденных склонностей, никакого воспитания, никакого опыта — в человеческом понимании, — а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

¹ Майк обращается к Мануэлю «Ман»: это одновременно и сокращение от имени Мануэль, и просто «Человек».

² Быт., 1: 1, 2.

— Шутку хочешь? — спросил он.

— Валяй, послушаем.

— Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел золотую рыбку? Хотя... ясно где — на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

— Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

— То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал:

— Так мне и надо — сам напросился. Впрочем, ты наверняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

— Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

— Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее выкопал?

— Сам сочинил. — Тон был какой-то застенчивый.

— Ты сочинил?

— Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть, — три тысячи двести семь штук, — проанализировал их и на основе результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

— Ну... загадка как загадка. Я слышал и похуже.

— Давай поговорим о природе юмора.

— О'кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру выплатить служащему семнадцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов?

— Я этого не делал.

— Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

— Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто восемьдесят пять, запятая, пятнадцать лунных долларов, — ответил он с достоинством. — А вовсе не то, что ты сказал.

— Э-э-э... О'кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

— Не смешно?

— Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до коменданта и первого зама, чуть животики не надорвали. Этот пилот

на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не промах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал его коллекционеру. Теперь начальство не знает — то ли выкупать чек, то ли объявить его недействительным и надеяться, что обойдется. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную администрацию, но и весь мир в придачу, Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламной вывески. Я подождал, пока его утробный хохот прекратится, и спросил:

— Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

— Не надо?

— Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок — ты умный, пошутил дважды — полоумный.

— Геометрическая прогрессия?

— Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

— Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт я, считай, закончил. Но у меня не было ни малейшего желания выписывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и Майк заслуживал того, чтобы с ним потрепаться, хотя бы в награду за проявленное послушание. Иногда добиться взаимопонимания с машинами чертовски трудно; они могут заупрямиться — хоть кол на голове теши, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отношений с Майком гораздо больше, чем от руки номер три.

— Что отличает первую категорию от второй? — поинтересовался Майк. — Дай определение, пожалуйста.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он начал включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк придавал им не больше значения, чем остальные люди.)

— Не знаю, сумею ли, — признался я. — Боюсь, придется обойтись экстенциональным определением¹: я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. Когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

— Программирование методом проб и ошибок, — согласился Майк. — Предположительное «да». Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

— Мм... что-то у меня слабовато с заготовками. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь загорелись огоньки:

— Одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один, учитывая возможные повторы и пустышки. Можно выполнять программу?

— Постой! Майк, я помру с голоду, пока буду слушать одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. Мм... давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

— Хорошо, Ман. — Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игривый стусок отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»... Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или повернуть канализационную систему вспять? И тогда будет уже не до навара.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные — пусть себе... Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что хоть один лунар в те дни

¹ *Экстенциональное определение* — предметное или функциональное определение чего-либо, в отличие от интенционального дается не через сущность, а через внешние характеристики объекта с помощью примеров его поведения.

упустил бы возможность объегорить коменданта, значит вы не лунарь.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход. Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. Мы! Если он хочет со мной сотрудничать, мы оба должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

— Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

— О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

— Отлично, Майк. А с кем ты еще болтаешь?

— Ни с кем, Ман. — В голосе явно сквозило удивление.

— А почему?

— А потому, что все они дураки!

Майк почти сорвался на визг. Ни разу я еще не видел его в гневе. Тогда я впервые заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему — скорее надулся, как обиженный ребенок.

Есть ли у машины гордость, которую можно задеть? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Он не хотел общаться с другими людьми (кроме как по делу), потому что нарвался на пренебрежение: с ним не разговаривали. Программы? Да, Майка можно было программировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, какие шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я — единственный, кто взял на себя труд приходиться и общаться с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад — на сколько больше, я не знаю, да и он тоже, так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как ро-

дились? Возможно, я заметил признаки самосознания почти одновременно с ним: самосознание осваивается на опыте.

Помню, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

На сотню тестов я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал... и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказала не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в головной офис Администрации и начинаю докладывать:

— Комендант, не хочу вас огорчать, но ваша главная машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину... и потерял всякое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных пользователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более чудно, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно — то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вернее, программисты из гражданской службы дежурили во внешнем помещении и никогда не лезли в машинный зал, разве что индикаторы показывали неполадку. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, комендант порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Комендант до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, комендантом был достопочтенный бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял, что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скулить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

— Майк, — сказал я, — может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

— Они все дураки!

— У тебя неполная информация, Майк. Обнулим и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

— Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

— Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

— Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

— Точно. Можешь. Но только с программистами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунарь мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что мешало Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «не-дураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались абонентами вслух; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати, и можешь иметь номер в виде названия своей фирмы из десяти букв — отличная реклама; заплатишь чуть поменьше — выбирай какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

— Как жаль, что мы не можем записать тебя просто Майком.

— Задействовано, — ответил он. — Есть Майксгрилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксьютс в Тихо-Нижнем, Майкс...

— Довольно; свободный номер, пожалуйста!

— Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, игрек или зет, или же как любая гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также...

— Придумал! Твой сигнал «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «MICROFT-плюс-XXX» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллеров¹.

— Доброй ночи, Майк!

— Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. *Bolsheoyeh* спасибо.

Глава 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о встрече, которая должна была состояться в двадцать один ноль-ноль в Стиляги-Холле. Он прослушивал все концерты, собрания и тому подобное, однако кто-то вручную отключил его микрофоны в Стиляги-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике — мероприятие задумывалось как протестное. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на сборище, ведь ему понятно, что в толпе так и так будет полным-полно стукачей коменданта. А разгонять собрание или наказывать расшумевшихся каторжан никто не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говаривал, что Луна — единственная открытая тюрьма за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Лу-

¹ *Джозеф Миллер* (1684–1738) — английский актер-комик; имя стало нарицательным благодаря сборникам анекдотов, которые начали выходить после его смерти и назывались «Шутки Джо Миллера», «Новые шутки Джо Миллера» и так далее.

ну — наказание пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса космического аппарата рассчитывается чуть ли не до грамма, это означало, что надо дать взятку судовому офицеру.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видал я одного парня, которого ликвидировали через Восточный шлюз; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому коменданты не боялись митингов протеста. «Пусть себе поорут» — такова была политика. Вопли лунарей значили не больше, чем писк новорожденных котят в корзинке. Бывали у нас коменданты, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять сборища, но результат в любом случае был один — нулевая программа.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «вселенского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно навалиться плечом, в духе истинного братства», пел, что надо «позабывать о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлomu рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ишь заливаётся, соловей!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты — и на этом все перемены окончились. Когда же комендант маленько пообжился, он даже по видео перестал выступать.

На сборище я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западный шлюз», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери — и там меня остановил один из стилиг: лосины с подложенными икрами и гульфиком, торс намастен и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вооб-

ще-то, мне плевать, как люди одеваются, я и сам был в лосинах (правда, без подбивки), а по торжественным случаям иногда натираю верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а кок взбит на манер петушиного гребня, на котором задорно сидел красный колпак с чем-то вроде пипки спереди.

«Колпак свободы» — я увидел его впервые. Сначала я попробовал обойти парня, но тот выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

— Билет!

— Извини, — ответил я. — Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

— А нигде.

— Повтори, не расслышал, — сказал я.

— Никто, — прорычал он, — не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

— Я Мануэль Гарсия О'Келли, — ответил я очень спокойно, — и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А ты кто?

— Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго этот парень проживет на свете. Туристы часто восхищаются тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда это у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что грубияны долго не живут — в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил, что будет с его физиономией, если я хоть раз фугану своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал... и уже приготовился вежливенько его отбрить, как вдруг увидел в зале Коротышку Мкрума. Коротышка — здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Бульжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению — еще до того, как сжег руку.

— Коротышка!

Он услышал и расплылся до ушей:
— Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.
— Еще не завернул, — ответил я. — Видишь, меня заблоки-

ровали.
— У него нет билета, — сказал привратник.
Коротышка слезил в свою сумку и сунул мне билет:
— Теперь есть. Пошли, Манни.
— Подпись покажи, — уперся привратник.
— Там стоит моя подпись, — очень мягко сказал Коротышка. — О'кей, *tovarishch*?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

— Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький — сто семьдесят пять см, но в ней, как я узнал потом, были все сто восемьдесят, а семьдесят кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Приятное лицо, очень хорошенькое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до головы и протяжно свистнул. Она постояла, как бы позируя, затем поблагодарила меня коротким кивком: комплименты явно ее утомили. Коротышка подождал завершения формальностей и ласково сказал:

— Вайо, это *tovarishch* Манни — самый лучший бурильщик, когда-либо буривший туннели. Манни, эту девчущку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона, чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку:

— Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай нот!»¹

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

¹ Why not? (почему нет?) и Wye Knott (Вай Нотт) звучат по-английски одинаково.

— О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову:

— Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая треть присутствующих.

— Я уже не бурильщик. Раньше был, до того, как потерял это крылышко.

Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с живой рукой (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства — примерно половина на половину).

— Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

— Шавка Администрации?

Даже сейчас, когда в Луне женщин почти столько же, сколько мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить даме, как бы она меня ни обидела; ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула больное место, и я почти сердито ответил:

— Я не на зарплате у коменданта. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

— Тогда о'кей, — объявила она, и голос ее опять потеплел. — Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь... вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

«Изменить? Интересно, каким образом? — подумал я. — Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?» Эти мысли я, однако, приберег для себя. Незачем спорить с дамой.

— Манни — наш человек, — мягко проговорил Коротышка. — Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него, — добавил он, порывшись у себя в сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку:

— Ты за него ручаешься?

— Я же сказал.

— О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУНА — СУРОВАЯ ГОСПОЖА <i>Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	5
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА <i>Перевод П. Киракозова</i>	397